

**«СООТЕЧЕСТВЕННИКИ» В XIX ВЕКЕ —
СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
ПО ДАННЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА**

С. Т. Золян¹

¹ Институт философии, социологии и права НАН Армении
Армения, 0010, Ереван, ул. Арами, 44
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4422-5792>
Поступила в редакцию 05.01.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-5

Понятие «соотечественник» — один из ключевых инструментов самоописания общества, именно благодаря ему происходит ключевое разграничение «мы» — «они». Прослежена история этого слова начиная с его появления в XVIII веке. Две линии скрестились при его возникновении — с одной стороны, старославянское и древнерусское отечество, понимаемое как место происхождения, с другой — послуживший образцом галлицизм «компатриот». Эти два понимания формируют два новых прототипических значения: первое, «гражданское», — собирательное и высокое, и второе, тяготеющее к этничности, обозначающее — если нет контекстуальных уточнений — русских. По мере усиления государственных институтов первое должно было стать преобладающим, что в определенной мере имело место к началу XIX века. Однако вплоть до настоящего времени следует говорить не о синтезе, а скорее о доходящей до энтимиосемии разноголосице его значений. Кроме того, в словоупотреблении XIX века возникает новое значение: русские за рубежом. По принципу инверсии формируется взгляд на себя, но со стороны. Слово наполняется новыми оценочными смыслами, при этом преобладают негативные коннотации. Амбивалентным образом смешиваются и заступают место друг друга: мы — они, здесь — там, свои — чужие. Оказываются разделенными собирательное (объединяющее нас) и разграничительное (отделяющее от них) значения. Возникают разнообразные гибридные «соотечественники»: мы — там, они — здесь и т.д. Гетерогенность семантики слова отражает коллизии внутри общества, что в начале XX века обернулось его трагическим расколом.

Ключевые слова: соотечественники, «мы vs. они», Россия в XIX веке, русские за рубежом.

Не довольствуясь отвлеченной идеей отечества, ты ищешь олицетворить его в чем-нибудь конкретном, и в этих поисках прежде всего наталкиваешься на своих соотечественников.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо (1878 — 1879)

1. Общество в зеркале слова: к постановке проблемы

Общество, как и культура, начинается с семантического разграничения *своего* и *чужого*, отграничения «наших» от «не-наших», что получает семиотическое оформление в ключевых языковых и символических

ских практиках. Посредством подобных дискурсов и дискурсивных практик формируется самосознание общества, а их описание становится метаописанием данного социума. Это описание может расходиться с теми представлениями, которое навязывают обществу власть или идеологи различных направлений, оно может иметь различные манифестации, может и вовсе не осознаваться, но тем не менее во всех случаях получает определенное выражение в семантике используемого языка. Даже искаженное описание становится важной характеристикой (само)описывающей системы. Слово «соотечественники» может считаться одним из главных параметров системы, в которой общество описывает себя и свои границы. Неопределенность и доходящая даже до энтимологии амбивалентность его семантики оказывается характеристикой, отражающей неопределенность дискурсивных и рефлексивных систем социума. Эта семантика может быть выявлена на основе корпусного анализа того, как употребляется это слово.

Методологической опорой становится витгенштейновское понимание семантики знака: его значение есть его употребление. Через употребление возможно идентифицировать значение, тогда как обратный путь — посредством нормативных текстов (будь то словари, законодательство, учебники и т.п.) генерировать такое употребление, которое бы соответствовало нормативному значению, в данном случае оказывается неадекватным, если даже возможным. В случае *соотечественников* концепт, который, казалось бы, должен служить инструментом измерения и делимитации, парадоксальным образом сам оказывается нуждающимся в делимитации и идентификации.

2. Рождение слова: от сородичей к согражданам

Слово *соотечественник* было создано в XVIII веке как калька с галлицизма *compatriote*, фр. *compatriote*, победив в конкурентной борьбе другие неологизмы². Вместе с тем оно имеет корни в старославянском, поскольку образовано от слова *отечество*, которое первоначально относилось к месту рождения и роду, будучи отличным от обозначений этноса («языка» или «племени»). В этом же значении оно продолжало использоваться и в старорусском. Безусловно, «неологизм» «соотечественник» воспринял семантику не только французского образца, но и старорусского предка. Словарь русских говоров Владимира Даля все еще воспроизводит архаичное, близкое к «земляку» «местническое» значение:

Соотѣчественникъ [м.], **соотѣчественница** [ж.], **собтчиць** [м.], **собтченка** [ж.] рожденный въ одномъ отечествѣ, отчизнѣ; нашеземець, своеземець,

² В «Новом лексиконе» С. Волчкова (1755) дан следующий перевод: «Compatriote. Одноземец, одной земли человек, одного отечества с кем, земляк (компатриот)». В XVIII веке создаются и другие формы: *единоотечественный* (1724), *соотечник* (1765), *сопатриот* (1781), *соотчич* (1732–1744; 1789); см.: (Арапова 2010; Золян 2019).

единоземець, одноземець, соземець, землякъ, родовичь, родиничь, сорбодичь; рожденный въ одномъ съ кѣмъ-либо государствѣ, или въ одной губернии, или однопоревенець (Даль, 2006, с. 271).

Вместе с тем уже в старорусском к XV веку, по мере оформления Московского царства, наряду с вышеуказанным значением слова *отечество* возникает новое, близкое к современному — государство, или *Руская земля*:

Подщитесь свое отечество, Рускую землю, от поганых сохранити... [Повесть о стоянии на Угре (1480–1490)]³.

В первых употреблениях новосозданного слова «соотечественники» нетрудно увидеть влияние послепетровской европеизации. Как его первое употребление Национальный корпус русского языка (НКРЯ) приводит речь Третьяковского — по изложению 1745 года:

Вы, кои славитесь знанием языков иностранных, постарайтесь познать своих соотечественников с славными сочинениями народов чуждых, обогатите их умы новыми познаниями и сердцам их доставьте новья, сладчайшия чувствования [В. К. Третьяковский].

Все приводимые в НКРЯ словоупотребления достаточно однородны по значению, указывая на происхождение и имея в виду скорее как территорию, так и этничность (так, о Лефорте говорится как о *швейцарском соотечественнике* на русской службе). Происходит отмирание «локального», «земляческого» понимания *Отчизны*, *Отечества*, но вместе с тем *быть соотечественником* еще не соотносится с «гражданством». К первой трети XIX века значение этого слова приобретает новые оттенки, частично вобрав в себя семантику запрещенного указом Павла I слова «сограждане» (Высочайшее повеление, 1797). Показательно в этом отношении словоупотребление Н. М. Карамзина: у него встречается как архаичное «местническое», так и новое, «гражданское» осмысление слова. Говоря об исторических событиях, Карамзин использует архаичное понимание *соотечественника*: это скорее «сородич» или даже «земляк». Так, поступивший на службу к псковитянам литовский князь *Довмонт оправдал сию доверенность подвигами мужества и ненавистью к соотечественникам* — литовцам. С другой стороны, «москвитяне» не являлись соотечественниками для новгородцев. Но, говоря о современности, Карамзин использует это слово уже в новом, «общегосударственном» значении:

...Здесь поселился наш соотечественник, граф Григорий Кириллович Разумовский...

...соотечественники Вольтеровы не имеют, может быть, ни двух истинных трагедий...

³ Здесь и далее цитаты из НКРЯ даны по электронному ресурсу: <https://ruscorpora.ru>.

В XIX веке изначальное, «местническое», или «земляческое», значение практически исчезает. При этом начинают конкурировать между собой «гражданское» и «этническое». Можно заметить жанровое размежевание: первое, во многом похожее на западноевропейское понимание, встречается в публицистике, описывая некоторое идеальное состояние:

Всякий имеет право излагать свои мысли и чувства невозбранно и сообщать оныя посредством печати своим соотечественникам [Н. М. Муравьев. Конституция (1825)].

Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками — для других оно или не существует или даже может показаться пороком [А. С. Пушкин. О народности в литературе (1825)].

Но Пушкин же при описании реалий прибегает к этническому пониманию:

Приѣхать бы ты къ намъ въ Одессу посмотриѣть на соотечественниковъ Мильтиада [Пушкин. Письмо П. А. Вяземскому (1824)] (встреченные Пушкиным греки, вероятнее всего, были российскими подданными — то есть соотечественниками в том смысле, в котором это слово было употреблено Муравьевым).

Поскольку иностранцы выделяются и идентифицируются по происхождению, то изменение подданства не меняет их изначального статуса. Так, уроженцы других стран, иностранцы на русской службе, как и Лефорт, очевидно, были российскими подданными, однако идентифицируются они применительно к месту рождения и этническому происхождению:

Однако ж, мои соотечественники страшные с... — проговорил один полковник персидского происхождения, служащий на Кавказе, взглянув на бархатные диваны, сплошь засаленные пловом [П. И. Огородников. Очерки Персии (1874)].

Эти два понимания формируют два новых прототипических значения: первое, «гражданское», собирательное и высокое, которое обычно выражается посредством множественного числа и обозначает граждан государства, и второе, тяготеющее к этничности, обозначающее — если нет контекстуальных уточнений — русских («наши соотечественники»), а при наличии таких уточнений — представителей других этносов и национальностей («их соотечественники»). Тем самым одновременно с оформлением семантики слова создается и семантический разрыв между этим абстрактным, тяготеющим к идеальному типом соотечественника-гражданина и реальным соотечественником, носителем не предписанных дефиницией свойств, а заданной и вынужденной, а потому далеко не всегда желанной общностью этноса и государства.

3. Соотечественники за рубежом — «мы» или «они»?

Еду за границу; там размыкаю ту тоску, которую наносят мне ежедневно мои соотечественники.

Н. В. Гоголь, письмо Погодину (10 мая 1836)

Сформировавшиеся в XVIII веке значения оставались актуальными и в XIX столетии. Вместе с тем в словоупотреблении XIX века возникает новое значение — слово «соотечественники» начинает ассоциироваться с русскими за рубежом: сперва с путешествующими, впоследствии — с проживающими российско-подданными, а затем, уже в XX веке, с появлением русской диаспоры, — с гражданами иных государств с русскими корнями.

В XVIII веке слово «соотечественник» употребляется пусть и в разных значениях, но достаточно единообразно по отношению как к иностранцам, так и к русским, причем вне зависимости от того, говорится ли о русских за границей или же в России. В целом это словоупотребление соответствует все еще приводимым в современных словарях толкованиям — это общность, основанная на месте рождения или этничности. Это значение не исчезает, но к нему добавляются новые. Соотечественник — это носитель определенных прототипических свойств, которые выявляются прежде всего при сопоставлении с иностранцами. Появляется возможность «себя показать, на других посмотреть». По принципу инверсии формируется взгляд на себя, но как бы со стороны. Взгляд на других дополняется возможностью взглянуть на себя глазами другого.

Ставшее в XVIII веке традиционным для дворянства путешествие в Европу позволяет наполнить концептуальное ядро слова некоторыми субстанциональными смыслами — соотечественник воспринимается как носитель определенных норм поведения, которые становятся явными при сопоставлении с другими. При этом значительная часть не только путешествует, но и проживает в Европе. Широкое присутствие русских за границей приводит к появлению у слова новых смыслов, объясняемых смещением взгляда на себя. Пересечение границы формирует взгляд на *своих*, но уже оттуда и в сравнении не с *нами*, а с *ними*. Результирующий смысл оказывается амбивалентным. Расхожее motto «так приятно встретиться на чужбине с соотечественником», по Достоевскому, лишь в приводимом отрывке употребившему, а точнее, процитировавшему это слово, маскирует противоречивые чувства внешнего дружелюбия и подспудных вражды и боязни:

А меж тем, казалось бы, «так приятно встретиться на чужбине с соотечественником». Да и разговор-то всегда почти начинается с этой самой фразы; узнав, что вы русский, соотечественник непременно начнет: «Вы русский? как приятно встретиться на чужбине с соотечественником: вот я здесь тоже»... и тут сейчас же начинаются какие-нибудь откровенности, именно в самом дружественном и, так сказать, в братском тоне, приличном двум соотечественникам, обнявшимся на чужбине. Но не верьте тону: со-

отечественник хоть и улыбается, но уже смотрит на вас подозрительно, вы это видите из глаз его, из его сюсюкания и из нежной скандировки слов; он вас меряет, он уже непременно боится вас, он уже хочет лгать; да и не может он не смотреть на вас подозрительно и не лгать, именно потому, что вы тоже русский и он вас поневоле меряет с собой, а может быть, и потому, что вы действительно это заслужили... Одним словом, неискренность и враждебность растут с обеих сторон и — разговор вдруг обрывается и умолкает. Соотечественник от вас вдруг отвергывается. Он готов проговорить все время с каким-нибудь немецким булочником, сидящим напротив, но только не с вами, и именно чтоб вы это заметили. Начав с такой дружбы, он прерывает с вами все сношения и отношения и грубо не замечает вас вовсе [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя (1876)].

Слово «соотечественник» наполняется новыми оценочными смыслами, при этом начиная уже с Карамзина преобладают негативные коннотации. У Карамзина оценка *своих* еще подчинена внутренней оптике: отрицательные характеристики *наших* соотечественников за границей объясняются «их» нравами — тем, что *наши* подражают «им»:

Иногда и *наши* любезные соотечественники присоединяются к *ним* и, вместо того чтобы успевать в науках, успевают в шалостях [Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793). Здесь и далее в цитатах курсив мой. — С. 3.].

Безусловно, данные НКРЯ отражают словоупотребление образованного и привилегированного, преимущественно европеизированного слоя российского общества, но именно оно формирует новую семантику. Значительное присутствие русских в Европе (во всяком случае, большинство из тех, чье словоупотребление, в отличие от респондентов Владимира Даля, сохранилось, поскольку было зафиксировано в литературе и публицистике; ср. в «Зимних заметках» Ф. М. Достоевского: «Кому из всех нас русских (то есть читающих хоть журналы) Европа не известна вдвое лучше, чем Россия?») приводит к необычному глубинному сдвигу. Если следовать чеканной формуле Георга Зиммеля, общество регулируется ключевым разграничением «Мы (свои) — Здесь» / «Они (чужие) — Там»; при этом возможны и ситуации «Они — здесь» (чужаки, инородцы), так и «Мы — там» (диаспора, колония) (Зиммель, 2008). Безусловно, слово «соотечественники» этимологически и прототипически предназначено обслуживать именно это разграничение, выделяя тех, кто «мы — здесь». При этом оно должно ассоциироваться с интегративными признаками *нашего* — это то, что нас объединяет. Взгляд на *своих*, но со стороны и среди чужих (за границей не только географической и политической, но и семиотической), резко меняет ракурс — «мы» оказывается тем, что отличает *нас* от *них*. Интегративный объединяющий признак заменяется на дизъюнктивный, отграничивающий. «Соотечественники» раздваиваются — в одном смысле это «мы — здесь», в другом «мы — там», причем возможны разнообразные наложения: все, кто не здесь, могут стать «они» (наши, но «бывшие соотечественники», и потому уже не наши), и все, кто здесь, могут стать «мы» (не наши, но уже соотечественники, сограждане). После пересе-

чения границы, когда «мы» оказываемся «там», формируется взгляд на себя как на иностранца — описание нас, но с «их» точки зрения (ср. у Александра Галича: «Оказалось, что они, голодранцы, понимают так, что мы — иностранцы»).

«Соотечественник» становится объектом, подлежащим некоторому этнографическому или культурологическому описанию, это уже скорее культурная, нежели этническая общность, противопоставленная «европейцам»⁴, носитель определенных культурой норм поведения, которые становятся явными при сопоставлении с другими. Вследствие этого слово «соотечественник» наполняется оценочными смыслами, а поскольку во всех языках иностранцы, в особенности соседи, наделяются преимущественно отрицательными коннотациями, то та же судьба частично была уготована и слову «соотечественник» в значении «русский за границей». Восприятие «наших» с точки зрения «местных», как правило, не сопровождается положительными эмоциями, почему и необходимы мимикрия, сокрытие «своего», подлаживание под «чужого»:

За Прерау слышались первые звуки русского языка: это возвращавшиеся назад соотечественники решились, наконец, выдать свое инкогнито [Вас. И. Немирович-Данченко. Цари биржи (1886)].

Общее подданство и страна происхождения могут перестать восприниматься как главное разграничение между «своими», и «чужими»:

Так что очень часто для людей одного государства — люди другого государства ближе и нужнее, чем свои соотечественники, как это имеет место для рабочих, связанных с работодателями других народностей, для торговых людей и в особенности для ученых и художников [Л. Н. Толстой. Христианство и патриотизм (1894)].

«Свое», увиденное новым взглядом оттуда, приводит к тому, что у слова «соотечественник» появляется новое, пейоративное значение — как носителя неприемлемых характеристик:

Не поражает ли вас, что наши соотечественники пользуются не совсем деликатно своими сомнительными правами и несомненно безнравственностью? [П. П. Вяземский (1887)].

---

⁴ «Нет, я про нашу привилегированную и патентованную кучку теперь говорю. Ведь все, решительно почти все, что есть в нас развития, науки, искусства, гражданственности, человечности, все, все ведь это оттуда, из той же страны святых чудес! Ведь вся наша жизнь по европейским складам еще с самого первого детства сложилась. Неужели же кто-нибудь из нас мог устоять против этого влияния, призыва, давления? Как еще не переродились мы окончательно в европейцев? Что мы не переродились — с этим, я думаю, все согласятся, одни с радостью, другие, разумеется, со злобою за то, что мы не доросли до перерождения» (Ф. М. Достоевский, «Зимние заметки»). Исчерпывающий обзор различных концептов *русского европейца* см.: (Кантор, 2008).

Возникает необходимость новой границы — отделяющей от соотечественников. Заграница — вот что может отделить *нас-там* от *мы-здесь*, с этой надеждой отправляется в Европу Гоголь (см. эпиграф к разделу), но и это может оказаться недостаточным. Согласно М.Е. Салтыкову-Щедрину, мучения И. С. Тургенева были вызваны не только тяжелой болезнью, но и *назойливостью* (то есть попыткой преодолеть установленные им барьеры) *гуляющих соотечественников*:

Конец Тургенева был поистине страдальческий. Помимо неслыханных физических мучений, более года не дававших ему ни отдыха, ни срока, он еще бесконечно терпел и от назойливости гуляющих соотечественников [М.Е. Салтыков-Щедрин. И. С. Тургенев (1883)].

Заметим, что именно Салтыков-Щедрин, по данным НКРЯ, чаще всех из писателей XIX века употребляет слово «соотечественник»⁵, причем преимущественно в пейоративном значении, тем самым закрепляя его новую семантику:

Мы, с своей стороны, покинули Эвиан и, переезжая на пароходе, расуждали о том, *как приятно встретить на чужбине соотечественника* и какие быстрые успехи делает Россия, наглядно доказывая, что в качестве «гарсонов» сыны ее в грязь лицом не ударят [М.Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина (1887—1889)].

Семантика общности доводится им до злой пародии, причем деконструкции подвергается именно ее культурное ядро:

Хорошо и одному пообедать у Биньона или у Маны, но вдвоем, втроем проштудировать приличествующий обеденный *menu* — куда лучше. В особенности слаще естся и пьется, живее чувствуются всякие скульптурности — в обществе соотечественников. Сердце сердцу весть подает. Никто так благовременно не щелкнет языком, никто так целесообразно не посмотрит на свет сквозь вино, так умно не вдохнет ноздрями, так сладостно не зажмурит глаза, так вкусно не захлебнется собственной слюною, как соотечественник. Обжоры и *gourments* всех стран и национальностей проделывают все эти движения; но только соотечественник выполнит это так, что у земляка все нутро взиграет. Все тут скажется: и писанная история, и устные предания, и педагогические особенности, и институт урядников, и внутренняя политика, и «не белы снеги»... [М.Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом (1880—1881)].

Многие объясняют это явление отчасти легкостью и общительностью славянской природы, отчасти живую потребность самооплевания, которая будто бы составляет основную черту россиян; но я, с своей стороны, думаю, что, помимо двух этих признаков, имеется еще и другая, более глу-

⁵ Ср. данные НКРЯ по писателям этого периода: М.Е. Салтыков-Щедрин — 18 документов, 45 словоупотреблений (1,13 % от общего числа); И. И. Лажечников — соответственно 6 и 39 (0,98 %); П. К. Козлов — 5 и 38 (0,95 %); Г. И. Успенский — 11 и 35 (0,88 %); Н. А. Тучкова-Огарева — 1 и 27 (0,68 %); Н. В. Гоголь — 5 и 24 (0,60 %).

бокая причина, заставляющая наших путешествующих соотечественников пребывать, так сказать, в непрерывном стыде [М. Е. Салтыков-Щедрин. Наша общественная жизнь (1863–1864)].

Люби отечество свое, люби! Служи ему собственным лицом, а не чрез посредство наемников; не процветай особо, но совместно с твоими соотечественниками, не утопай в бездельничестве и равнодушии, но стой грудью за други своя, жертвуй своими интересами, своею личностью, самоотвергайся! Ежели тебе жалко поступиться рублем, то поступишь хоть двугривенным. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо (1882)].

4. Соотечественники: свои как чужие

Коллективность, связывающая нас, соотечественников, подвигает Салтыкова-Щедрина создать неологизм: *сомерзавец*, что, видимо, мыслилось как синоним к «соотечественнику»:

...и мерзавцу в своем отечестве веселее, потому что он найдет там массу вполне однородных сомерзавцев, с которыми ему можно душу отвести; стало быть, дескать, и я: подберу подходящую компанию, и будем мы вкупе сомерзавствовать, а до прочего нам дела нет. [М. Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо (1882)].

Щедринское словоупотребление при всей его специфичности отражало восприятие достаточно влиятельной в интеллектуальном отношении части общества, что знаменует глубокий раскол внутри него. От восприятия соотечественников как не обязательно *своих* (как у Л. Н. Толстого) часть общества переходит к их характеристике как не просто чужих, а как *сомерзавцев*. Это есть разрушение ключевой для общества дихотомии *свой – чужой*, поскольку *свое* оказывается основанным на сугубо негативных антиценностях. *Чужое* (неправильное) вбирается внутрь *своего*. Будь тогда социосемиотики, они могли бы предсказать грядущие социальные потрясения, вызванные неразрешимым конфликтом внутри *своих*. Развитием такого семантического разлома оказывается ситуация уже после 1917 года, когда возникает российская диаспора, причем соотечественниками оказываются «мы – там (на чужбине)». Оппозиция *Мы – они* относится уже не к русским и европейцам, а к русским *там* (в эмиграции) и *здесь* (в России), но при этом возникает инверсия *чужбины* и *родины*: *родина* оказывается *там*, а *чужбина* – *здесь*. Так, в знаменитой антисоветской речи И. А. Бунина *соотечественники* – это только те русские, кто находится в эмиграции, остальные, оставшиеся в России, перестают быть русскими:

Соотечественники... Мы эмигранты, – слово «émigrer» к нам подходит как нельзя более. Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину. Миссия же наша связана с причинами, в силу которых мы покинули ее. Эти причины на первый взгляд разнообразны, но в сущности сводятся к одному; к тому, что мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной

борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину [И. А. Бунин. Миссия русской эмиграции (1924)].

Это трагическое размежевание есть продолжение той же тенденции определять соотечественников не относительно оси *мы — здесь* (как в случае *отчизны*), а применительно к оси *мы — там*, (что характерно для диаспоры). Отчизна заменяется чужбиной, семиотическая игра оппозициями в речи Бунина предстает как трагическая реальность. Русские путешественники XVIII—XIX веков в XX столетии становятся эмигрантами — чужое пространство оказывается постоянным, отчизна — закрытой непреодолимой границей, а живущие там, если следовать логике бунинской речи, — чужими. Парадоксальным и противоречивым образом смешиваются и заступают место друг друга *мы — они, здесь — там, свои — чужие*. Формируется определяющая и в настоящее время, в особенности после распада СССР, хотя и потерявшая трагизм референциальная двойственность понятия *соотечественник*, — оно распадается на собственно соотечественников (граждан России) и диаспоральных соотечественников — тех, кто за рубежом.

5. На Востоке: просто соотечественники

Завершая диахронический обзор, для полноты картины отметим, что соотечественники за границей встречаются не только в Европе, но и на Востоке, и не все из них — дворяне. Можно заметить, что в этом случае перестает действовать отмеченное выше явное или неявное сравнение *нас с ними*, европейцами. Семантика слова *соотечественники* упрощается. Как и в самом начале, она определяется только относительно «своего», и вариации касаются только того, что считать *своим*: место рождения, поведение или же подданство. Иван Бунин в рассказе-зарисовке «Соотечественник» описывает встреченного в тропиках:

Этот брянский мужик мальчишкой был привезен в Москву из деревни, состоял на побегушках при купеческом амбаре на Ильинке... Представьте же, как странно видеть этого мужика в тропиках, под экватором! Одетый во все белое, рослый, узловатый, огненно-рыжий, с голубой, веснушчатой кожей, бледный и энергично-возбужденный, даже просто шальной, — от зноя, нервности, постоянного хмеля и деловитости, — с виду он не то швед, не то англичанин [И. А. Бунин. Соотечественник (1916)].

Определяющими для того, чтобы признать соотечественником этого провозвестника новых русских бизнесменов, оказываются его происхождение и циничная манера считать *всех идиотами*:

У него все идиоты. Он уже успел удивить гостя своей самоуверенностью, решительным и скептическим умом, деловитостью, огромным житейским опытом и несметными знакомствами с людьми самых разнообразных классов и положений. Кого ни назови из московских знаменитостей, — купцов, администраторов, врачей, журналистов, — он всех знает, да хорошо знает и цену каждому из них. А какая у него осведомленность по части всяких закулисных тайн, редких карьер и темных историй! [И. А. Бунин. Соотечественник (1916)].

Подробно описывая своего собеседника, Бунин не указывает на его подданство, оно не существенно для его идентификации как соотечественника. Противоположная ситуация представлена у Н. С. Гумилева:

В Хараре у нас оказался даже соотечественник, русский подданный армянин Артем Иоханжан, живший в Париже, в Америке, в Египте и около двадцати лет живущий в Абиссинии [Н. С. Гумилев. Африканский дневник (1913)].

Очевидно, что упомянутый Артем Иоханджян (с которым Гумилев общается на французском) назван соотечественником вследствие его подданства. Такая формально-правовая общность весьма неустойчива и может меняться при пересечении границ:

Оказалось, татары — соотечественники казанцы, а жирный араб — выходец маргеланец (из Ферганской долины. — С. 3.). <...> Соотечественники быстро знакомятся и в длинном пути, чем могут, друг другу помогают. <...>

— Пришлось вам визировать паспорта в Суэце?

Мои соотечественники переглянулись, хитро улыгнулись.

— Мы теперь турецко-подданные [Д. Ф. Соколов. Поездка в город Джедду (1902)].

В последних двух примерах можно увидеть достижение имперского понимания соотечественников — это понятие распространяется уже на всех российско-подданных безотносительно к их этничности. Однако подобные случаи уникальны, притом в них нельзя не заметить определенной иронии над формально-правовым пониманием подобной общности.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках (применительно к авто- и мета-репрезентациям “себя” и “другого” в социальной и политической коммуникации)».

Список литературы

Арапова Н. С. Соотечественник и компатриот // Русский язык в школе. 2010. № 1. С. 67–68.

Высочайшее повеление императора Павла 1797 года, разосланное 13 февраля 1797 года, об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими // Русская старина. 1871. Т. 3. С. 531–532.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 2006. Т. 4.

Зиммель Г. Эскурс о чужаке / пер. А. Ф. Филиппова // Социологическая теория: история, современность, перспективы: альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб., 2008. С. 7–13.

Золян С. Т. Соотечественники — диахронический портрет по данным НКРЯ (XVIII — начало XIX вв.) // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике : сб. науч. ст. по матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. Ереван, 2019. С. 16–20.

Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры. М., 2008.

Об авторе

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Армении, Армения.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

Для цитирования:

Золян С.Т. Соотечественники в XIX в. — семантический портрет по данным Национального корпуса русского языка // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №3. С. 72—84. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-5.

SOOTECHESTVENNIKI (COMPATRIOTS) IN THE 19th CENTURY: SEMANTIC PROFILE BASED ON THE DATA OF THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

S. T. Zolyan¹

¹ Institute of Philosophy, Sociology and Law,
National Academy of Sciences of Armenia
44 Arami St., Yerevan, 375010, Armenia
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4422-5792>
Submitted on January 5, 2020
doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-5

The concept “sootechestvenniki” is one of the key tools for self-description of society; it is an instrument for drawing borderlines between “we” and “they”. The article describes the development of the meaning of this word since its coinage. The word appeared in the 18th century as a merger of the Old Slavic and Old Russian ‘otechestvo’ (fatherland, understood as one’s place of origin) and the French ‘compatriot’. This merger resulted in the formation of two new prototypical meanings: one is civic, collective and elevated, and the other gravitates to ethnicity since it is used to refer to Russians. With the strengthening of state institutions in Russia, the first meaning was bound to dominate and it did at the beginning of the 19th century. However, one should speak not about the synthesis, but rather about the discordance of the two meanings. In the 19th century, another meaning developed in the semantic structure of the word: ethnic Russians living abroad. Gradually, the word acquired new evaluative meanings, while negative connotations still prevailed. The basic oppositions (we – they, here – there, ours – alien) interacted in an ambiguous way, substituting each other. A variety of hybrid “compatriots” arose: we are there, they are here, etc. The heterogeneity of the semantics of the word reflects collisions within society, which faced a tragic internal split in the 20th century.

Keywords: sootechestvenniki (compatriots), “we vs them,” Russia in the 19th century, Russians abroad.

The research is supported by the Russian Science Foundation, project №18-18-00442 “Mechanisms of meaning production and textualisation in social narrative and performative discourses and practices”, at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

References

Arapova, N.S., 2010. Sootechestvennik and compatriot. *Russkii yazyk v shkole* [Russian at school], 1, pp. 67—68 (in Russ.).

Russian Antiquity, 1871. The highest command of Emperor Pavel of 1797, circulated on 13 February 1797, to remove some words from use and replace them with others, *Russian Antiquity*, 3, pp. 531–532 (in Russ.).

Dal, V. I., 2006. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes]. Vol. 4. Moscow (in Russ.).

Simmel, G., 2008. Excursion about a stranger. In: V. Dal, ed. *Sotsiologicheskaya teoriya: istoriya, sovremennost', perspektivy. Al'manakh zhurnala "Sotsiologicheskoe obozrenie"* [Sociological theory: history, modernity, prospects. Almanac of the journal "Sociological Review"]. Translated by A. F. Filippov. St. Petersburg. pp. 7–13 (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2019. Compatriots – a diachronic portrait according to the NKRF (XVIII – early XIX centuries). In: K. S. Akopyan, ed. *Russkij yazyk na perekrestke epoch: traditsii i innovatsii v rusistike. Sbornik nauchnykh statej po materialam IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russian language at the crossroads of eras: traditions and innovations in Russian studies. Proceedings of the IV International scientific-practical conference]. Yerevan: Russian-Armenian (Slavic) University. pp. 16–20 (in Russ.).

Kantor, V. K., 2008. *Russkij evropeets kak yavlenie kul'tury* [Russian European as a cultural phenomenon]. Moscow (in Russ.).

The author

Prof. Suren T. Zolyan, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia, Armenia.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

To cite this article:

Zolyan, S. T. 2020, *Sootchestvenniki* (compatriots) in the 19th century: the semantic profile based on the data of the National Corpus of the Russian Language, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 3, p. 72–84. doi: 10.5922/2225-5346-2020-3-5.